

чувства говоривших — словом, все те особенности, которые были свойственны публичным выступлениям проповедников, превращали церковную проповедь в подлинно литературное явление, в серьезное оружие духовенства и правительства.

Неудивительно, что правительство сразу же обнаружило заинтересованность в публичных выступлениях духовенства, законодательно поддержало усердие проповедников. Так, 10 ноября 1742 г. явился указ «Об ободрении ея императорским величеством к напечатанию и рассылке по церквам молебного пения на высокочтожественные дни».¹³ В первые же месяцы своего существования правительство Елизаветы издает указы о регулярности произнесения проповедей в придворной церкви¹⁴ и о напечатании их.¹⁵ И каждое воскресенье, каждый праздник в церкви императорского дворца слышится слово какого-нибудь придворного проповедника.

Явившись рупором официальной политики правительства, духовенство вводило в свои публичные выступления тему Петра I. Когда-то, при Петре I, реакционная часть духовенства была оппозиционно настроена по отношению к реформам правительства, затанца в себе явное недовольство тем, что православная церковь подчинена государственной власти. Но между эпохой Петра I и началом 40-х годов пролегла полоса событий, которые наложили отпечаток на теперешние выступления духовенства. Последние годы, столь тревожные и тяжкие для служителей православной церкви, как будто стерли из памяти прежние обиды. Да и сквозь призму времени и исторического опыта виднее стали заслуги Петра I перед Россией в общегосударственном масштабе. Как бы там ни было, голоса, прежде осуждавшие, теперь сливаются в единую похвалу Петру. Духовенство послушно выполняет то, чего от него ждет правительство: настойчиво сближает имена Елизаветы и ее отца.

Елизавета и Петр I, эта тема, сопутствуя другой — прославлению недавно коронованной императрицы, стала одной из ведущих в драме «Образ торжества российского доблестному подвигоположнику, начертан из трудов риторических во училищах славено-латинских»,¹⁶ которой московская Академия приветствовала в старой столице нововенчанную императрицу. Драматург дает теме решение, успевшее стать уже общепринятым со времени дворцового переворота 1741 г.: Елизавета — достойная преемница своего отца, названного в пьесе «всероссийским Геркулесом», который «не токмо себе, но и последующему равно же себе подвигоположнику в трудах Марсовых венец почести обрете».

Но при знакомстве с драмой нетрудно заметить, что «всероссийский Геркулес», обещанный в «Кратком изъяснении» произведения, как действующее лицо на сцене так и не появляется. Что помешало автору исполнить свои намерения? Располагая лишь одним загребским списком произведения и не имея никаких современных произведений сведений о нем, ответить на этот вопрос трудно. Во всяком случае, сам автор так пытается объяснить отсутствие в драме «всероссийского Геркулеса», скрытого к тому же в прологе и эпилоге за буквами NN: «... на сем зрелищи ... вечныя славы достойный российский дел подвиги изобретаются NN, удивительных дел примирителя, мню яко не требе есть де изобразати, ибо самую вещь удивления достойна российского Геркулеса паче солнца полуденнаго славою презиящнейшая на весь мир видим дела, их же подробну изрещи или на твердом мраморе к безсмертной славе изобразити кто от человек может?». ¹⁷ Мотивировка, подсказанная самим автором драмы, похожа на истину: та ответствен-

¹³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны, т. I. СПб., 1889, стр. 242—243, № 227.

¹⁴ Там же, стр. 120—121, № 93.

¹⁵ Там же, стр. 84, № 67.

¹⁶ И. М. Бадалыч и В. Д. Кузьмина. Памятники русской школьной драмы XVIII века. По загребским спискам. М., 1968, стр. 179—202.

¹⁷ Там же, стр. 179.